

Хр. М. ДАНОВ, Древна Тракия. Изследвания върху историята на българските земи, северна Добруджа, източна и еврейска Тракия от края на IX до края на III в. пр. н. е., София, 1969, 449 стр.

В изучении истории античного мира огромное значение имеет исследование экономических, социальных, политических, этнических, культурных процессов, протекавших в различных периферийных областях Средиземноморья, в обществах, тесно соприкасавшихся с греко-римской цивилизацией, испытывавших на себе ее воздействие и в свою очередь влиявших на развитие всей античной культуры. Давно уже представление об античном мире не равнозначно представлению об истории собственно Греции и Рима; это представление включает в себя и древнюю историю многих племен и народов Европы, Азии и Африки, оказавшихся в той или иной степени вовлеченными в процесс исторического развития классического греко-римского рабовладельческого общества. Каждый из периферийных районов античной ойкумены проходил свой собственный путь социально-экономического и культурного развития, значительно отличаясь от других районов, но в то же время всем им были свойственны и некоторые общие черты и явления, позволяющие нам объединять их все в понятии античного мира. Сам этот мир состоял из совокупности этих различных обществ, связанных между собой многообразными экономическими, политическими и культурными отношениями. История каждого из этих обществ тесно переплетается с историей всех других и всего античного мира в целом, и вклад каждого района античного мира в общую сокровищницу древней культуры должен быть оценен современным исследователем, если он хочет правильно представить себе и общую картину развития античного мира.

С этой точки зрения история древней Фракии представляет особый интерес. Фракия на протяжении всей античной эпохи была особенно тесно связана с экономической и политической жизнью Греции, а с позднеэллинистического времени играла видную роль и в жизни Римской державы. Для Греции Фракия была не только важнейшим источником различных продовольственных припасов, рабов, драгоценных металлов и пр., не только объектом колонизации по эгейскому и черноморскому побережьям, но и важным политическим фактором, игравшим определенную роль во всех крупнейших событиях греческой истории — в антиперсидской борьбе, в Пелопонесской войне, в возвышении Македонии, в расприх диадохов и т. д. Фракия была теснейшим образом связана с Грецией и в культурном отношении, не только заимствуя от греков культурные ценности, но и заметно воздействуя на греческую культуру, особен-

но в ранний период (дионисические культы, многие мифологические представления и пр.). Сравнительно раннее возникновение у фракийцев государственности и многовековое развитие у них социальных и государственно-правовых институтов представляют важное, хотя и своеобразное звено в общей цепи социально-политического развития античных обществ.

Древняя история Фракии важна еще и с другой точки зрения, с позиций исследования дальнейших судеб населения Балканского полуострова, поскольку в его развитии вплоть до средневековья и даже до нового времени могут быть прослежены различные культурно-исторические элементы и явления, генетически восходящие к античной эпохе вообще и к фракийской культуре в частности.

Все приведенные соображения делают весьма актуальной и крайне интересной новую книгу известного болгарского ученого Хр. Данова «Древняя Фракия». К тому же избранная проф. Хр. Дановым тема, охватывающая историю фракийцев в тот период, когда эта обширная группа населения Юго-Восточной Европы переживала период перехода от первобытного строя к классовому обществу и государственности, представляет огромный методологический интерес, так как анализ этих социальных процессов во фракийском обществе способствует выявлению общих закономерностей перехода от первобытного общества к классовому и тех путей, по которым шло развитие человечества на этом этапе его общественно-исторической жизни.

Рассматриваемая монография Хр. Данова состоит из двух частей. Первая из них, вводная, содержит краткий историографический очерк (стр. 13—42) и характеристику основных источников (стр. 43—97). Вторая часть, составляющая собственно разработку основной темы книги, посвящена истории социально-экономического и политического развития Фракии с гомеровской эпохи до III в. до н. э. (стр. 99—449). Не останавливаясь на содержании первой вводной части, рассмотрим систематически основную часть работы.

I глава (стр. 99—216) посвящена социально-экономическому и политическому развитию Фракии с гомеровского времени до образования Одрисского царства в середине V в. до н. э. Она открывается очерком «К исторической географии древнефракийских племен» (стр. 100—157). В этом очерке содержится обзор расселения различных этнических групп фракийцев между Эгейским побережьем Фракии и нижним течением Дуная на

основании свидетельств древних авторов. В необходимых случаях даются краткие физико-географические характеристики мест их расселения и важнейшие экономико-географические сведения. Следует отметить два обстоятельства, существенные для понимания авторской концепции в этих вопросах. Во-первых, Хр. Данов нигде не пытается проникнуть в описание расселения фракийских племен глубже начала I тыс. до н. э. Его не занимают вопросы этногенеза и древнейшей этнической истории фракийцев, и саму фракийскую этническую общность он принимает уже как данную на известной территории и обособившуюся от дако-мезийской и фригийской этно-лингвистических групп. Во-вторых, в тех хронологических рамках, в которых Хр. Данов рассматривает расселение фракийских племен, т. е. в пределах первой половины I тыс. до н. э., это расселение показано в динамике, выявляются все те передвижения и изменения в этнической структуре Фракии, которые могут быть прослежены по нашим источникам. В целом очерк расселения фракийцев представляет несомненную удачу автора и ценный вклад в научную литературу вопроса. Составленная им карта подводит итог тому, что сделано было в области этногеографии фракийцев его предшественниками и им самим в более ранних работах, и вряд ли может быть оспорена в своих основных звеньях. По этому разделу можно сделать только несколько частных замечаний.

Следует пожалеть, что в книге не нашли отражения, хотя бы в самых общих чертах, вопросы становления и обособления фракийской этнической общности, усиленно дебатировавшиеся сейчас в трудах лингвистов и археологов-первообытчиков.

Говоря о различных этнических общностях, автор обычно ко всем ним применяет термин «племя», хотя такие группы населения, как трибаллы, биссы, одрисы, несомненно представляли собой в историческую эпоху уже не племена, а союзы племен или иные племенные общности. Более мелкие этнические подразделения фигурируют у Хр. Данова тоже под названием племен или реже именуются «подплеменами». Конечно, определить точно, какую именно форму этнической общности надо иметь в виду в каждом данном случае, можно далеко не всегда, но поставить самый этот вопрос и наметить возможные пути его решения все же следовало бы. Может быть, тогда не возникли бы некоторые неясности в отношении тех или иных племен к различным племенным союзам, имеющие место на некоторых страницах книги (например, о диях, дигерах и сатрах на стр. 114—115, ср. карту на стр. 104—105; о тинах и других юго-восточных фракийских племенах — стр. 147—149).

Некоторым недостатком раздела о расселении племен является отсутствие вся-

ких сведений о гетах, занимавших северо-восточную часть современной Болгарии и Добруджу. Автор, видимо, не включает их в свой обзор на том основании, что относит их не к фракийской, а к дако-мезийской этнической общности. Однако большое место, занимаемое гетскими племенами на фракийской территории к югу от низовьев Дуная, вхождение их в состав державы одрисов и та роль, которую эти племена играли в ранней истории Фракии, должны были бы привлечь внимание к ним историка Фракии. К тому же есть весьма существенные основания причислять (что и делает большинство современных исследователей) к гетам племена кробидзов и теридзов, обитавших к востоку от Янтры. Хр. Данов, видимо, не признает такой атрибуции этих племен, но и не оспаривает ее.

Следует также отметить отсутствие всяких упоминаний о тех юго-западных фракийских племенах, которые известны нам по их ранней чеканке (VI—V вв. до н. э.), но не названы древним авторами, — дерронов, орресков, ихнов и др. Между тем племена эти, судя по этой чеканке, принадлежали к наиболее развитой в социально-экономическом отношении группе южнофракийских племен и должны были играть заметную роль в истории юго-западной Фракии.

Второй небольшой раздел I главы содержит описание древних путей, проходивших через Фракию еще в доодрисскую эпоху (стр. 157—172). Этот экскурс важен для понимания как экономического развития фракийских земель, так и возможности различных политических акций, военных походов и пр.

Составленное автором описание основных путей, проходивших через территорию Фракии, и приложенная карта дают довольно полное представление об этой стороне исторической географии фракийских земель. Следует высказать только сожаление, что автор ограничился лишь анализом письменных источников и не привлек к решению этого вопроса археологические данные. Между тем эти данные в некоторых случаях могли бы обосновать и подтвердить его предположения, а в других и существенно дополнить их. Так, анализ топографии кладов архайческих серебряных монет подтверждает тезис о том, что именно Места — а не Струма — была главным путем, ведущим от Эгейского побережья на север к области верхнего Искра и верхней Марицы. С другой стороны, распространение аполлонийского серебра и электровых кизиков совершенно ясно указывает на существование прямого пути от Аполлонии Понтийской на запад к Кабиле и далее по бассейну Гунджи и Марицы. Пусть этот не отразился в письменных свидетельствах и отсутствует на карте Хр. Данова. То же следует сказать и об очень важном торговом пути от Ускудамы по

Тундже на север и далее на запад, прекрасно засвидетельствованном разнообразным археологическим материалом VI—IV вв. до н. э.

Два следующие параграфа этой главы посвящены конспективному изложению социально-экономического развития фракийских земель в догомеровскую (стр. 172—178) и гомеровскую (стр. 178—186) эпохи. Поскольку эти разделы содержат лишь положения общего характера, нужные для понимания эпохи, но не являющиеся результатом непосредственного исследования, мы не будем на них останавливаться. Отметим только несколько фактических погрешностей или неточностей. Нельзя говорить, как это делает автор, о том, что во Фракии началась сначала добыча меди, а лишь спустя какое-то время — ее обработка (стр. 174); добыча медных руд и выплавка из них металла могли производиться первоначально только с целью немедленной выделки потребительских товаров и только в районе металлургии, вывоз металла как сырья — явление более позднее. Ошибочно упоминание о появлении гончарного круга в разделе о развитии Фракии в догомеровское время (стр. 178) — гончарный круг фракийцы начали применять не ранее VI в. до н. э. Гомер нигде не говорит о серебряном фракийском оружии (стр. 180), да такого и не могло быть. В *Илиаде* речь идет лишь об оружии, украшенном серебром.

В очерке политического развития фракийцев в гомеровское время (стр. 186—193) автор останавливается на роли племенных вождей у фракийцев, на участии фракийских племен Эгейского побережья в событиях, связанных с Троянской войной, с переселением части фракийцев в Малую Азию.

При разборе данных гомеровского эпоса о Фракии было бы полезно, на наш взгляд, подходить к нему, как к источнику, содержащему сведения о разных периодах истории этой страны. Такой подход может быть плодотворен, в частности, при характеристике развития общественной власти у фракийцев. Наиболее ранние сведения *Илиады* о фракийских вождах Пейресе, Акаманфе, Евфеме и Менте рисуют их главным образом как военных предводителей, в мирное время не обладающих единодержавной властью, окруженных гетайрами и т. д., т. е. как вождей развитого первобытно-родового общества. А более поздняя X песнь *Илиады* («Долония»), сведения о фракийцах которой есть основания относить уже к рубежу VII и VI вв. до н. э., воспевают фракийского царя Реса, единовластного военного, политического и хозяйственного руководителя большого союза фракийских племен, стоящего уже на грани государственности.

Небезынтересно было бы привлечь для характеристики поздней стадии разло-

жения первобытно-родового строя у фракийцев и данные античной традиции о Мильтиадах из рода Филаидов, правителях Херсонеса Фракийского, в характере власти которых затейливо переплелись черты положения греческих магистратов и вождей фракийского племени долонков с их наследственной (хотя все еще выборной в пределах этого знатного рода) властью, приобретающей облик царской. Такой анализ дает возможность проследить трансформацию власти фракийских предводителей от типичных племенных вождей до руководителей обширных племенных союзов кануна становления собственной фракийской государственности.

Заключительный параграф I главы книги Хр. Данова озаглавлен «О некоторых аспектах развития духовной культуры древних фракийцев с конца IX до начала V в. до н. э.» (стр. 194—216). На основании тщательного собирания и остроумной интерпретации чрезвычайно скудных данных литературной традиции автору удается реконструировать основные моменты воспитания детей и юношества у древних фракийцев (стр. 194—209). Интересен и очерк, посвященный роли музыки во фракийской общественной жизни (стр. 210—212). Следует, однако, заметить, что очерки эти, ценные сами по себе, слабо связаны с основным направлением работы. Кроме того, уж если говорить о культурной жизни фракийцев в доодрисское время, то важнее было бы разобрать некоторые другие стороны их духовной культуры — религиозные представления, о которых говорится очень неполно и конспективно всего на нескольких страницах (стр. 212—216), использование фракийцами греческого языка и греческой письменности (о чем совсем не упоминается), создание ими собственного художественного стиля, например в изделиях из металла, и пр.

II глава посвящена исследованию особенностей греческой колонизации берегов Фракии. После нескольких вступительных замечаний об источниках и историографии вопроса (стр. 218—227) автор последовательно рассматривает греческую колонизацию Эгейского побережья Фракии (стр. 227—248), Фракийского Херсонеса (стр. 249—256), северного берега Пропонтиды (стр. 256—263) и Западного Причерноморья (стр. 264—294). Хотя истории колонизации этих районов уделено большое внимание во многих общих трудах по древней истории и в специальных статьях, в том числе и в более ранних работах самого проф. Хр. Данова, эта глава книги читается с очень большим интересом. Автор нашел новые и очень важные аспекты изучения греческой колонизации и высказал ряд весьма существенных соображений. Отметим прежде всего правильный методологический подход к вопросу о значении грече-

ской колонизации фракийских побережий для развития Фракии, с одной стороны, и для греческого мира, — с другой. Правильно оценена и роль греческой колонизации как фактора, ускоряющего историческое развитие Фракии. Разбирая ход колонизации Эгейской Фракии, автор рисует убедительную картину борьбы между колонизирующими полисами (Фасос, Самофракия, Хиос). Нельзя не согласиться и с его критикой некоторых современных исследователей (Рёбак и др.), которые видят главный стимул к колонизации фасосской Пiereи в обилии золота в этих местах (стр. 224). Подчеркивание Хр. Дановым значения других природных богатств Эгейской Фракии, хорошо иллюстрированное картой колонизации (стр. 232—233), имеет все основания. Можно добавить к доводам Хр. Данава еще то соображение, что разработка золота в рудниках Скаптесиле, по-видимому, вообще явление несколько более позднее, чем добыча других полезных ископаемых, в частности серебра. Прав автор и в своем утверждении о том, что обычно греческие апойкии не возникали на пустых местах, а как бы наслаивались на ранее существовавшие фракийские поселения (стр. 237).

Говоря о колонизации Фракийского Херсонеса, автор отвергает распространенный взгляд, будто греческие города этого района были основаны прежде всего из стратегических и торговых соображений, и выдвигает на первый план возможности Галлиполийского полуострова в снабжении Греции зерном, рыбой и другими продуктами (стр. 254). Полагая, что вопрос, поставленный в такой общей форме, вообще не может получить однозначного ответа. Видимо, здесь надо делать различие между разными городами. В то время как такие центры на Гелеспонте, как Сест и Абидос, были основаны скорее всего именно как транзитные и опорно-стратегические пункты, возникновение других было вызвано к жизни потребностями в вывозе определенных сельскохозяйственных продуктов, на что намекают, как правильно заметил Хр. Данов, самые названия некоторых из этих городов (Критоте, Элеунт).

Интересен и очерк колонизации Черноморского побережья Фракии. Здесь совершенно справедливо подчеркиваются отличные условия плавания по Черному морю от обычных для греков условий каботажных плаваний в Эгейде и в проливах. Весьма интересны и соображения о причинах более раннего освоения греками южного побережья Понта (стр. 274), и о времени переименования греками Понта Аксинского в Понт Евксинский (стр. 268—269). Непонятно только, почему автор упоминает Северное Причерноморье в связи с первым этапом греческой колонизации, относящимся еще к раннему VII в. до н. э. (стр. 270—271). Греческие

города в Северном Причерноморье возникли не ранее греческой колонизации Западного Понта. И в этом разделе Хр. Данов уделяет много внимания соперничеству наиболее значительных метрополий, выводивших колонии в этот район, — Милета и Мегар с их «дочерними» городами. Рассмотрена и роль Коринфа и Афин в торговле с западнопонтскими городами в раннюю эпоху. Очень кратко, но достаточно определенно характеризуются экономические основы греческих городов Причерноморской Фракии и их связи с фракийским hinterlandом.

Центральное место в книге Хр. Данова занимает исследование образования и истории фракийского государства под руководством одрисов. Этому посвящена III глава второй части книги (стр. 295—400). Рассмотреть все вопросы, поднятые Хр. Дановым в этой главе, в нашем отзыве не представляется возможным, поэтому мы ограничимся упоминанием лишь о наиболее существенных, на наш взгляд, моментах. В первом параграфе «К вопросу о возникновении и форме государства у фракийцев» (стр. 299—317) автор уделяет много внимания тому положению, что фракийские поселения, даже именуемые полисами у античных писателей, не могут рассматриваться как таковые. Эта совершенно верная точка зрения должна быть тем более поставлена в заслугу автору, что ему пришлось в этом вопросе пересматривать и свои прежние представления, допускаящие полисную организацию этих поселений.

Совершенно оправдана и та большая роль, которая приписывается автором общине в социальной структуре Одрисского государства. Но, к сожалению, автор ограничивается лишь констатацией этого очень важного факта, указывая только на наличие многочисленных деревень — *κώμαι* во Фракии, что нельзя считать достаточным аргументом. Между тем имеется ряд свидетельств, позволяющих с большей уверенностью говорить о длительном переживании у фракийцев общинных отношений, как ранних, так и более поздних форм.

К числу таких свидетельств может быть отнесено существование больших домов (до 360 м², 240 м²), например во фракийском поселении близ современного Драгойнова, несомненно вмещавших большой родственный коллектив. На родовой характер общины указывают названия многих фракийских деревень, упоминаемые в надписях эллинистического и римского времени: они происходят от личных имен, племенных наименований и имен божеств, связанных с родовыми объединениями. Может быть, с пережитками общинной собственности можно связать и необычно большой вес серебряных монет южнофракийских племен VI—V вв. до н. э. (октодрахмы и декадрахмы весом в 30—40 г), который позволяет предполагать существование боль-

ших закупок для общинных нужд или нужд всего племени.

На коллективную форму использования ценностей, принадлежавших морякам, потерпевшим кораблекрушение у Самидеса, указывают сведения Ксенофонта о группах лиц, владеющих участками, к которым море прибывало имущество пострадавших от бури. Какая-то, по-видимому, более развитая форма общинных отношений с переделами земли у гетов отразилась в оде III, 24 Горация, которую мы, как и многие другие исследователи (М. Ростовцев, А. Будор, М. Макря и др.), считаем возможным привлекать в качестве исторического источника по истории земельных отношений у фракийцев, несмотря на высказывавшиеся против этого возражения.

Отмечая плодотворность мысли Хр. Данова о роли общины у фракийцев, мы все же должны высказать сомнение относительно того, что во всех фракийских общинах следует видеть только территориальные общины (стр. 306, 307, 311). Указанные выше источники говорят как будто о наличии родовых, ранних форм общинных отношений. В то же время у нас нет свидетельств о чисто территориальной (сельской) общине у фракийцев раннеодрисского времени. Впрочем, *argumentum ex silentio*, конечно, не должен приниматься как бесспорное доказательство.

Выявление роли общины в хозяйственной и социальной жизни Одрисского государства подводит нас вплотную к оценке основного пути развития раннего фракийского государства как варварского государства, отличного от классических рабовладельческих государств. К сожалению, Хр. Данов не делает напрашивающихся из его анализа выводов и оставляет вопрос о характере государственного образования одрисов открытым.

В этой связи чрезвычайно важен тезис автора об относительно слабом развитии рабовладения в греческих полисах западного побережья Черного моря и во внутренних древнефракийских землях (стр. 291—292). Это в высшей степени важное для понимания всей истории Фракии, и, по нашему мнению, совершенно верное положение хотелось бы видеть и более развернутым, и более аргументированным. Для его обоснования нужно было бы провести исследование форм собственности и форм эксплуатации во Фракии эпохи становления государственности. Эти два явления, главным образом определяющие формационную принадлежность общества, мало освещены автором. Литературные свидетельства от Гомера до Ксенофонта единодушно указывают на свободного фракийского землевладельца как основного производителя, подвергавшегося большей или меньшей степени эксплуатации со стороны

правлящей прослойки общества, главным образом со стороны царя, парадинастов и связанной с ними племенной и служилой знати. Рабство как форма эксплуатации было известно фракийцам, но не оно было ведущим, определяющим социально-экономический облик Фракии эпохи становления и расцвета Одрисского царства. Рабы использовались главным образом на работах по дому, в качестве слуг. Это весьма ограниченное производственное амплуа характерно для рабов во Фракии как в доодрисское, так и в одрисское время. Свободный земледелец остается на всем протяжении предодрисской и раннеодрисской эпохи основной производящей фигурой фракийского общества. Оставаясь свободным, он подвергался различным формам эксплуатации и как подданный одрисского царя считавшегося, по-видимому, верховным собственником земли, и как лицо, обремененное различного рода обязательствами по отношению к землевладельцу. Знать создавала свои богатства и в результате царских дарений, захвата земель или части прибавочного труда своих объединившихся сородичей. Сложение классов, как всякой исторической категории, проходит несколько этапов развития. В раннеодрисском царстве мы стоим у истоков классовообразования, когда производитель еще не отделен от средств производства — земли, но уже явно намечена тенденция к захвату меньшей или большей части продукта труда, с нее получаемой. Во фракийском обществе могут быть констатированы и другие формы эксплуатации, стоящие как бы между рабством и эксплуатацией общинников. Но тем не менее формирующееся фракийское государство предстает перед нами как политическая организация, призванная подчинять эту еще свободную, но уже эксплуатируемую массу фракийских общинников.

Говоря о причинах того, почему именно одрисы оказались во главе объединительных тенденций у фракийцев, автор приводит анализ экономико-географической, политической и культурной ситуации во Фракии накануне и в момент создания государства одрисов. Он убедительно показывает, что только сочетание целого ряда условий и обстоятельств позволило одрисам объединить вокруг себя большинство фракийских племен и стать центром первого государственного образования у фракийцев (стр. 312—317). Но уделяя такое большое внимание вопросу о преимущественном положении одрисов в процессе образования государства, Хр. Данов, по нашему мнению, недостаточно акцентировал в этом разделе вопросы об экономических и социальных предпосылках возникновения фракийского государства — о достижении многими фракийскими племенами определенного уровня развития, обеспечившего

потребность в образовании государственных форм, о развитии товарности производства, о возникновении общекраишского рынка и т. д. Все эти явления могут быть прослежены по разным видам источников — по свидетельствам древних авторов и особенно по данным археологии и нумизматики.

Очень подробно рассматривает Хр. Данов в специальном параграфе («Греция и Фракия перед возникновением Одрисского царства», стр. 317—362) политическую историю краишцев в VI и первой половине V в. до н. э. Детально разбираются политика Афин по отношению к Краишскому Херсонесу при Писистрате, Гиппии и Мильтиадах (стр. 318—326), скифский поход Дария и отношение его к Краиши (стр. 326—332), операции Мегабаза в Эгейской Краиши (стр. 332 сл.), позиция краишцев во время всех перипетий Греко-Персидской войны (стр. 338 сл.) и др. Вероятно, нужно согласиться со скептическим отношением автора к возможности организации «краишской сатрапии» персами (стр. 340—342). Хотя племена Эгейской Краиши находились известное время в подчинении у персов, нет никаких данных для утверждения о существовании специальной краишской сатрапии как особого административного округа державы Ахеменидов. Для персидского царя Краиши была важна, вероятно, только как база и как мост, соединяющий Азию и Грецию (стр. 354). Можно согласиться и с представлением Хр. Данова об активной роли краишских племен во многих эпизодах антиперсидской борьбы (стр. 334 и др.), но вызывает серьезные возражения не в меру суровый суд над Геродотом, который вершит автор, приписывая «отцу истории» тенденциозное замалчивание и даже искажение истории краишцев (стр. 326—331). Геродот действительно гораздо больше внимания уделяет скифам, чем краишцам, но это зависит не от его «фракофобии», а от всего замысла его труда, в центре которого стоят события скифского похода Дария. Упрекая Геродота в пристрастии и всевозможных ошибках, Хр. Данов в то же время, когда дело касается конкретных сведений, целиком доверяет этому автору и полностью полагается не только на его прямые высказывания, но и на ту информацию, которая может быть получена из книг Геродота косвенным путем. Да это и неизбежно — Геродот остается одним из самых достоверных и добросовестных древних авторов, к которому же хорошо осведомленным во краишских делах.

Вряд ли наименование Геродотом Ситалка «царем краишцев», а не «царем одрисов» выражает более высокий этап развития Одрисского государства (стр. 331—332). Этому предположению Хр. Данова противоречит тот факт, что более поздние одрисские цари именуются и в надежной

литературной традиции, и в надписях, и на монетах именно одрисскими, а не краишскими царями.

В последнем разделе главы «Одрисское царство в первые десятилетия его существования» (стр. 362—400) автор касается некоторых вопросов внутреннего состояния Одрисского государства и дает краткий очерк его истории, в том числе его взаимоотношений со скифами и с Афинами при Тересе и Ситалке (стр. 362—376). К сожалению, Хр. Данов не дал очерка границ Одрисского государства в пору его расцвета. Этот пробел восполняется в какой-то степени картой на стр. 297, но карта эта пуждается в комментариях, а в некоторых случаях и в обобщении показанных на ней границ. В частности, представляется весьма спорным включение в пределы Одрисского царства области между нижними течениями Струмы и Месты. Племена, населявшие этот район, судя по данным Фукидида, власти одрисских царей не подчинялись. Весьма важны, хотя и слишком кратки, замечания Хр. Данова о внутренней структуре Одрисского царства, о роли в нем парадинастов и финансовых возможностях государства (стр. 379—383). Подробно разбирает автор вопрос о сельскохозяйственном производстве, в частности о зерновом хозяйстве, как об экономической базе раннекраишского государства (стр. 383—392). К тщательно подобранным Хр. Дановым свидетельствам о значительной мощности и роли производства зерна во Краиши можно было бы добавить только упоминания античными авторами подземных хранилищ зерна у краишцев — *σιρότ*, и изображения хлебного колоса, зерна или мерки для зерна не только на монетах греческих городов всех краишских побережий, но и на медах самих одрисских владетелей — Гебридзельма, Котиса I, Керсоблента. Заканчивается глава беглым очерком состояния хозяйства Краиши в период македонского владычества (стр. 392—400). Автор справедливо связывает известное ослабление и упадок сельскохозяйственной деятельности во Краиши в эллинистическое время, с одной стороны, с македонским завоеванием страны, а с другой, — с общим социально-экономическим кризисом, охватившим эллинистический мир.

IV глава книги озаглавлена «Проникновение краишцев в греческие колонии и их внешнеполитические отношения» (стр. 401—432). Впрочем, в главе рассматривается гораздо более широкий круг вопросов: взаимоотношения греческих городов Краиши с краишцами вообще, внешние связи и внешняя политика греческих городов Краиши, в частности их связи с метрополиями, политика эллинистических государств по отношению к краишским землям и др.

Наконец, последняя небольшая глава

монографии коротко освещает вопрос о роли кельтского завоевания и кельтского царства в истории Фракии (стр. 433—449). Авторская позиция в этом вопросе сводится к тому, что основные волны кельтского нашествия прокатились по Македонии, Северной Греции и Малой Азии, Фракия же была затронута этим нашествием гораздо слабее и что разрушительная роль кельтов в этой стране не могла быть столь значительной, как она представлялась Полибию и некоторым следующим за древним историком современным исследователям. Не отрицая совершенно роли Кельтского царства в Тиле, Хр. Данов, указывает, что оно не могло быть сколько-нибудь значительной силой в окружении гораздо более мощного фракийского массива. Концепция Хр. Данова представляет значительный интерес, но для ее обоснования еще требуются специальные исследования, всесторонняя аргументация и разбор аргументов сторонников иных взглядов. Глава в рассматриваемой книге может считаться скорее авторской заявкой на постановку этого вопроса, чем попыткой его решения.

Из приведенного разбора основного содержания книги Хр. Данова видно, что книга эта состоит как бы из отдельных очерков или этюдов, посвященных различным сторонам истории древней Фракии до III в. до н. э. Некоторые вопросы этой истории разработаны в очерках исчерпывающе подробно, другие рассмотрены более конспективно, третьи только упомянуты. Этот очерковый характер книги нельзя ставить автору в вину. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Хр. Данов стремился в рецензируемом труде уделить главное внимание тем вопросам, которые либо не были до сих пор рассмотрены в многочисленных более ранних работах автора, либо требуют критического пересмотра. Оценивая книгу Хр. Данова, нельзя не признать во внимание тот вклад, который внес автор в изучение истории Фракии и Западного Черноморья своими предшествующими трудами. Совокупность всех его исследований, включая и рассматриваемую книгу, касается почти всех

сторон экономической, политической и культурной жизни древней Фракии. Понятно стремление автора не повторяться в тех разделах истории, которые с достаточной полнотой были освещены в его других трудах, и тем самым не увеличивать объем и так весьма солидной книги. И все же нельзя не отметить, что такой прием в известной мере вредит целостности впечатления от книги и затрудняет ее восприятие читателем, не знакомым с вопросом специально. Это особенно заметно в первой части работы, в историко-экономическом параграфе, где авторы второстепенные с точки зрения их сведений о Фракии (архаические лирические поэты и др.) характеризуются иногда подробнее и обстоятельнее, чем основные источники — Гомер, Геродот, Фукидид, только потому, что этим основным источникам были когда-то посвящены специальные статьи Хр. Данова. В этой неравномерности один из основных недостатков рассматриваемой книги. Другим общим недостатком является слабое использование автором археологического и нумизматического материала (об этом мы уже говорили в применении к отдельным частным вопросам) и как следствие недостаточно полная разработка вопросов экономического развития, для решения которых именно эти источники дают основной материал.

Однако оценивая работу Хр. Данова в целом, следует признать, что несмотря на наличие отмеченных недостатков она является примечательным событием в античной историографии. Широта замысла и тематического охвата, разнообразие поставленных вопросов, привлечение широкого круга источников и огромной исследовательской литературы делают новую книгу Хр. Данова весьма ценной для изучения древней истории Балканского полуострова. Отсутствие в современной литературе общих работ по истории Фракии и настоятельная потребность в такого рода книгах еще более повышают значение выхода в свет этого труда.

Т. Д. Златковская, Д. Б. Шелов

I. GERSHEVITCH, *Old Iranian Literature* (Handbuch der Orientalistik. I Abteilung. Der Nahe und der Mittlere Osten. Hrsg. von B. Spuler. IV Bd. Iranistik. II Abschnitt. Literatur. Lief. 1), Leiden — Köln, 1968, 30 стр.

Первая (лингвистическая) часть четвертого тома этого издания, опубликованная 10 лет тому назад¹, уже завоевала прочное признание среди специалистов. Только что вышедшая в свет работа И. Гершевича, посвященная древнеиранской литературе, составляет первый выпуск второй (литературоведческой) части указанного тома.

В работе рассматриваются древнейшие памятники иранской письменности — древнеперсидские клинообразные надписи (§ 7—14), авестийские тексты (§ 16—43), а также сведения о мидийском (§ 2), сакском (§ 3—4), древнеперсидском (§ 15) эпосе, отрывочные упоминания о котором донесли до нас Геродот, Ктесий, Страбон и другие античные авторы².

Трудности, стоявшие перед автором, будут понятны, если учесть, что всего лишь на 30 страницах текста он должен был осветить множество сложных и спорных вопросов, связанных с анализом памятников древнеиранской письменности; если учесть, что историческое, историко-культурное и лингвистическое значение этих памятников начали осознавать уже в конце XVIII в.³ и что за истекшие два столетия создана и продолжает интенсивно нарастать совершенно необъятная литература, посвященная их изучению. При этом состояние самих памятников, их фрагментарность, сложность истолкования, отсутствие в ряде случаев необходимого исторического контекста порождают многочисленные, часто противоречивые теории, связанные с пониманием тех или иных текстов, историй их сложения и записи и т. п. Единственная возможность заключалась в том, чтобы, отбросив все второстепенное,

принадлежащее уже в значительной мере истории науки, сосредоточиться на краткой характеристике описываемых памятников, на основных проблемах и методах, связанных с их изучением. По этому пути и пошел автор.

Изложив вкратце вопрос о письменности и письменных языках на территории Ахеменидской державы (§ 5—6), автор переходит к анализу собственно древнеперсидских надписей. Справедливо отмечая, что надписи поздних Ахеменидов состоят почти исключительно из формул и оборотов, уже известных по надписям Дария I и Ксеркса (§ 7), И. Гершевич связывает этот факт со все большим внедрением в практику арамейского и эламского языков и письма, в результате чего профессиональные писцы утрачивали постепенно навыки составления древнеперсидских текстов и ограничивались в основном копированием фраз из надписей Дария (Addendum, стр. 30).

Как по объему, так и по историко-литературной своей значимости Авеста — важнейший памятник древнеиранской словесности, и вполне естественно, что именно проблемам авестологии посвящено две трети всего рецензируемого очерка (стр. 10—28). И. Гершевич уже рекомендовал себя исследованиями в этой области⁴, и раздел очерка, посвященный Авесте, составляет несомненно наиболее важную и наиболее интересную его часть. Здесь рассматривается вопрос о локализации языка Авесты (§ 16), история сложения и записи канонического авестийского текста (§ 17—18), состав и относительная хронология дошедших до нас частей Авесты (§ 19). Последующие параграфы (§ 20—23) посвящены Гатам (песнопениям) — древнейшим (в языковом отношении) и наиболее трудным для интерпретации частям Авесты, восходящим, возможно (полностью или частично), к творчеству самого Заратуштры. Во всяком случае, в шести Гатах речь ведется от имени Заратуштры (в 1 л. ед. ч.) (§ 16). По языковым признакам к Гатам примыкают и некоторые другие главы и фрагменты (§ 24), входящие, как и собственно Гаты, в ту часть канона, которая называется Ясной.

¹ «Handbuch der Orientalistik». Hrsg. von B. Spuler. I Abteilung. IV Bd. Iranistik. I Abschnitt. Linguistik. Mit Beiträgen von K. Hoffmann, W. B. Henning, H. W. Bailey, G. Morgenstierne, W. Lentz, Leiden-Köln, 1958.

² Для ретроспективного суждения об эпосе скифо-сарматско-аланских племен привлекается также (с надлежащими оговорками) материал знаменитых осетинских нарских сказаний, сохраняющих весьма архаичные мотивы, восходящие, возможно, к фольклору древних скифо-аланов.

³ Первые переводы авестийских текстов на европейский язык относятся к 1771 г. (Anquetil Duperron, *Zend-Avesta, ouvrage de Zoroastre*, 1—3, P., 1771). В 1802 г. был найден ключ к чтению древнеперсидской клинописи (Г. Гротенд).

⁴ I. Gershevitch, *The Avestan Hymn to Mithra. With an Introduction, Translation and Commentary*, Camb., 1959, 357 стр.; он же, *Zoroaster's Own Contribution*, JNES, XXIII, 1964, 1, стр. 12—38 (некоторые соображения, высказанные в последней статье, исправляются или уточняются автором в рецензируемом очерке — см. Addendum, стр. 30).